

Научная статья
УДК 32:304.444:329.1/6
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-27
EDN: ORHSEQ

**Традиционные российские ценности: понятия, назначение,
достоинства и ограничения**

Ольга Сергеевна Гилязова

Кандидат философских наук, доцент Центра развития универсальных компетенций, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
olga_gilyazova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6978-1162>

Аннотация Происходящие события в мире и в России актуализируют проблему традиционных ценностей, истоки которой прослеживаются еще в эпохе Просвещения. Цель данного междисциплинарного исследования состоит в том, чтобы предпринять концептуальный и историко-функциональный анализ традиционных ценностей с опорой на нормативно-правовую базу, идеи классиков и современных отечественных и зарубежных представителей политологии, философии, культурологии, социологии.

Раскрывается унаследованная от составляющих ее понятий содержательная и онтологическая неоднозначность понятия «традиционные ценности», которая оправдывает выбор в пользу социально-конструктивистского подхода к традиционным ценностям как гибким социальным конструктам вместо объективистского подхода, содержащего интенцию к переустройству мира в соответствии с умозрительными принципами, универсалистскими схемами и догмами и к инструментализации и объективации человека.

Выявляется назначение традиционных ценностей в разные эпохи: скрепление разорванной в ходе реформ Петра I социокультурной матрицы; катализатор успеха в модернизации вне вестернизации; символ антизападной политики; экранирование экспансии глобализации и неолиберализма; опора для политического режима и объединяющий и консолидирующий население фактор; служба задачам укрепления и защиты суверенитета, политической, культурной и экзистенциальной безопасности России.

Богатый репертуар возможностей и ролей традиционных ценностей не оправдывает отношение к ним как к некоей панацее. Демонстрируется необоснованность перевода сложных социальных вопросов в аксиосферу с тем, чтобы попытаться решить их ее средствами.

В заключении статьи подчеркивается непреходящая важность органической укорененности традиционных ценностей в настоящем, без которой ценности прошлого оказываются отжившими паттернами, тормозом модернизации, откатом в архаизацию, а ценности (идеалы) будущего – прекраснодушными мечтаниями.

© Гилязова О. С., 2024

Ключевые слова: аксиология; государственная политика; идеология; западничество и славянофильство; либерализм и консерватизм; социальный конструктивизм; социокультурная матрица; традиционные российские духовно-нравственные ценности; философия политики

Для цитирования: Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2 (23). С. 27-45. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-2-23-27>. <https://elibrary.ru/ORHSEQ>.

Original article

Traditional russian values: concepts, purpose, advantages and limiting factors

Olga S. Gilyazova

Candidate of philosophical sciences, associate professor at the Center for the development of universal competencies, Ural federal university
olga_gilyazova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6978-1162>

Abstract. The events taking place in the world and in Russia actualize the problem of traditional values, the origins of which can be traced back to the Enlightenment. The purpose of this interdisciplinary study is to undertake a conceptual and historical-functional analysis of traditional values based on the regulatory framework, the ideas of the classics and modern domestic and foreign representatives of political science, philosophy, culturology, sociology.

The substantive and ontological ambiguity of the concept of “traditional values” inherited from its constituent concepts is revealed, which justifies the choice in favor of a socio-constructivist approach to traditional values as flexible social constructs instead of an objectivist approach intending to rebuild the world in accordance with speculative principles, universalist schemes and dogmas and to instrumentalization and objectification of a person.

The appointment of traditional values in different eras is revealed: the consolidation of the sociocultural matrix broken during the reforms of Peter I; a catalyst for success in modernization beyond westernization; anti-Western policy symbol; shielding the expansion of globalization and neoliberalism; a basis for the political regime and a unifying and consolidating factor for the population; service to the tasks of strengthening and protecting the sovereignty, political, cultural and existential security of Russia.

The rich repertoire of opportunities and roles of traditional values does not justify treating them as a kind of panacea. It demonstrates the unreasonableness of translating complex social issues into the axiosphere in order to try to solve them by its means.

The conclusion of the article emphasizes the enduring importance of the organic rootedness of traditional values in the present, without which the values of the past turn out to be obsolete patterns, a brake on modernization, a rollback to archaization, and the values (ideals) of the future – beautiful-hearted dreams.

Key words: axiology; public policy; ideology; Westernism and Slavophilism; liberalism and conservatism; social constructivism; a sociocultural matrix; traditional Russian spiritual and moral values; philosophy of politics

For citation: Gilyazova O. S. Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and limiting factors. *Social and political researches*. 2024;2(23): 27-45. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-2-23-27>. <https://elibrary.ru/ORHSEQ>.

Введение

Состояние крайней неустойчивости, спровоцированное распадом СССР и усиленное новым раундом противостояния с Западом, требует новых ориентиров, роль которых в наше время отводится традиционным ценностям.

Данное противостояние приобретает не только военно-политический, экономический, но и аксиологический характер.

Очередная переоценка ценностей не является, как подчеркивает М. В. Силантьева, исключительно конъюнктурной (что не отрицает ее политико-идеологическую ангажированность) и исключительно российской [Силантьева, 2016].

Хотя еще не так давно российские ученые подмечали единство российской и западной цивилизаций на основании их «аксиологической ориентированности на общие христианские ценности и единые базовые представления о добре и зле, свободе, справедливости, достоинстве, ценности человеческой жизни, супружеской верности, трудолюбии, патриотизме, на заботу о ближнем, материнстве, детстве и др.» [Якушев, 2017, с. 205-206].

Но в настоящее время на пике острой информационно-идеологической борьбы с обеих сторон прослеживается желание акцентировать их антагонистический ха-

ракти, представляя и российское, и западное ценностные пространства более монолитными и моногенными, чем они есть в реальности.

Российскими исследователями Запад и Россия противопоставляются как, соответственно, носители ценностей гедонизма/аскетизма, утилитаризма/альтруизма, индивидуализма/коллективизма, материальности/духовности, глобализма/национально-культурной самобытности.

Западные исследователи, в свою очередь, описывают различие между Россией (шире – Востоком) и Западом в рамках следующих бинарных оппозиций: традиция/модерн; реакция/прогресс; изоляционизм/открытые ценности и границы; жесткая идентичность/гибкая или множественная идентичность; идея национальных культуры и государства/гомогенизированная глобальная культура и «глобальная деревня»; ориентированные на неизменность и постоянство традиционные ценности/вырабатываемые в условиях нестабильности и неустойчивости трансверсальные ценности; традиционные ценности/секулярно-рациональные ценности; принадлежность (к группе)/автономия; коллективизм/индивидуализм и т. п.

Заметно, что эти распределения производятся с учетом коннотаций – позитивных для описания

своих ценностей и негативных – противоположной стороны.

Данное противопоставление, актуализированное современным геополитическим противостоянием и «страхом перед утратой идентичности в глобализующемся мире» [Loftus, 2019, p. 15], имеет давнюю историю. С научных позиций оно изучалось в работах таких классиков и современных ученых, как М. Вебер (1864 – 1920), Э. Шилз (1911 – 1974), Э. Хобсбаум (1917 – 2012), М. Рокич (1918 – 1988), Ш. Эйзенштадт (1923 – 2010), Г. Хофстеде (1928 – 2020), Р. Инглхарт (1934 – 2021), Ш. Шварц (1936), Э. Гидденс (1938) и П. Штомпка (1944).

Философское осмысление данная проблематика получила с эпохи Просвещения (в России – в рамках дебатов между западниками и славянофилами).

Культурная дилемма «традиционные ценности/ценности (пост)модерна» рассматриваются в политической плоскости как дилемма «консервативные/либеральные ценности». Превращаясь в политический и публицистический нарратив, дискурс о ценностях невольно теряет научную взвешенность и беспристрастность, которых мы хотим придерживаться в нашей статье.

Словосочетание «традиционные ценности» становится предметом философской рефлексии, научного изучения и нормативно-правового регулирования, но до сих пор не выработано его общепризнанной

дефиниции. Чрезмерный объем, а значит, размытость и эклектичность содержания данного понятия, делает его удобной «идеологической мантрой» для продвижения самых разных идей.

Результаты исследования
Понятия «традиция»,
«ценность»,
«традиционные ценности»

Есть три основных подхода к пониманию традиции (традиция как объект; как способ передачи; как культурно-историческая память), выбор между которыми зависит от взгляда на онтологию традиции: 1) объективистский взгляд, по которому традиция – это некий онтологически устойчивый социокультурный объект; 2) конструктивистский взгляд, согласно которому традиция – это конвенциональный социальный конструкт, легитимирующий социальные практики и институты [Илларионов, 2023].

Понятие «традиция» отличается двойственностью не только с точки зрения онтологии, но и содержания.

Поэтому оно истолковывается либо как 1) стереотипизация социального и индивидуального поведения, коллективного опыта [Мишучков, 2015]; преклонение перед прошлым, укорененность в нем [Николаев, Николаев, 2023]; тормоз на пути социального прогресса, стагнация, архаика, рудимент, косность, ригидность; либо как 2) непреходящий общественный идеал; «некий духовно-нравственный код, воплощенный в истории народа и его ежедневном социальном твор-

честве» [Галаганова, 2023, с. 28]; плацдарм для развертывания сил для будущего.

Вслед за Д. Бен-Амосом, Г. А. Илларионов с соавторами замечают, что затруднительно дать синтетическую дефиницию традиции, учитывающей и преодолевающей данные дихотомии. Отсюда двойственность понятия «традиция» (и следующего из него понятия «традиционные ценности»): в качестве научного концепта оно является антиномическим (внутренне противоречивым и многообразным), а в качестве политического – конкретным, нормативно закрепляемым объектом [Илларионов, 2023].

Плодотворным является отношение к традиции не как к колее, с которой запрещено сходить, а как к пути, «который начинался с поиска, путаницы, блужданий» [Брандт, 2016, с. 37], не как к непогрешимому авторитету, а как к удачному решению той задачи и боли, на который она стала ответом. Притом традиция – это не обязательно нечто громогласное, властно подчинившее себе людей. Ею могут быть и тихие, незаметные практики, образы мыслей и действий.

Как и понятие «традиция», понятие «ценность» имеет два аспекта: *содержательный и онтологический*. С точки зрения *содержательного аспекта*, ценность – это выражение значимости объекта для субъекта. Снимается вопрос о существовании ценностей вне цен-

ностного отношения или их редуцирования к объекту или субъекту. Есть два подхода: 1) идеалистический, по которому ценность – это универсальная, «вневременная» значимость («каркас идеального» [Тюков, 2024, с. 84]); 2) исторический подход, по которому ценность – это пластичное явление, адаптирующееся к требованиям и запросам конкретного времени и места, «каркас реального». Соответствуют им две основные парадигмы понимания ценностей *с точки зрения онтологии*: 1) эссенциалистская или субстанциальная (свойственная религиозному и обыденному сознанию): ценности – это идеальные онтологические сущности, проявления сверхъестественного мира или же это явления (или их свойства и качества) предметного мира; 2) неокантианская формула: ценности значат, но не существуют.

Неоднозначность понятия «традиционные ценности» во многом обусловлено выявленной ранее неоднозначностью и двойственностью (онтологической и содержательной) толкования составляющих его терминов.

Обобщая взгляды разных исследователей, можно констатировать, что понятие «традиционные ценности» имеет пересекающиеся, но не совпадающие значения:

- народно-этнографическая сторона жизни;
- ценности традиционных для общества религий (конфессий);

– базовые, стержневые, системобразующие ценности конкретного общества;

– совокупность «идеалов и поведенческих традиций тех или иных этнических общностей, в которых находит отражение их историческое своеобразие» [Дежнев, 2015, с. 73];

– ценности отдельной нации; ценности традиционного (аграрного) общества (первой волны – согласно периодизации истории Э. Тоффлера).

Но сведение к одному из данных определений является недопустимым упрощением. отождествление традиционных ценностей с ценностями аграрного общества подразумевает откат в прошлое, возврат к архаике. Особенно опасно их отождествление с ценностями какой-либо одной конфессии, этноса или национальности в такой полиэтнической, поликонфессиональной, многонациональной стране, как Россия.

Несмотря на содержательные различия, все вышеперечисленные определения отражают объективистский взгляд на онтологию традиционных ценностей как на некие застывшие, ригидные, изначально данные образования. Как следствие – возникает проблема хронологической условности традиционных ценностей: с какого момента отчитывать их историю? [Чечет, 2016]. И какие именно традиционные ценности подлежат восстановлению, сохранению и защите в свете тех пертурбаций (а с ними –

низвержения идолов и разоблачений культов), которые пережила Россия за последние полтора столетия?

Взамен мы принимаем, вслед за Г. А. Илларионовым с соавторами, конструктивистский взгляд на онтологию традиционных ценностей, согласно которому они являются подвижным, гибким конструктом, формируемым обществом исходя из потребностей настоящего момента времени, что делает их востребованными, органичными, фундаментальными для данного общества (отсылка же к прошлому работает как функция легитимации, придания авторитета).

Благодаря конструктивизму вскрывается интересубъективный и сконструированный характер традиционных ценностей, «исконность» и «старинность» которых, как показывает Э. Хобсбаум на примере «британских традиционных ценностей», является изобретенной [Hobsbawm, 1983].

И заодно снимается вопрос, относительно которого у российских исследователей до сих пор не сформировалось единого мнения: значимое какого модуса времени выражают традиционные ценности: прошлого [Дежнев, 2015], прошлого в связке с настоящим [Седова, 2021; Рассадина, 2005; Чечет, 2016]? Или же речь идет о вневременном и инвариантном значимом [Худякова, 2023]? А также принимается во внимание диалектика устойчивости и динамичности традиционных ценностей как залога

стабильности и адаптируемости общества [Ковалев, 2023].

Данный социально-конструктивистский подход представляется нам наиболее релевантным для современных исторических реалий.

Вписывающееся в общемировой тренд тяготение к традиционным ценностям во многом вызвано потребностью масс в стабильности и предсказуемости, «усталостью от перемен» (социальных, политических, технологических и т. п.), когда сопротивление переменам начинает преподноситься «как сопротивление тому, что является естественным и неизбежным» [Fullick].

Зачастую внимание к традиционным ценностям вызвано желанием вернуть (хоть отчасти) ощущение SPOT-мира (от англ. steady (устойчивый), predictable (предсказуемый), ordinary (простой), definite (определенный)) в условиях BANИ-мира (от англ. brittle (хрупкий), anxious (тревожный), nonlinear (нелинейный), incomprehensible (непостижимый)). Это своеобразная ностальгия по утраченному «доброму старому времени» (а, вернее, по его идеализированному образу), толкающая к восстановлению отдельных его примет.

В России это тяготение имеет свою специфику и корни, уходящие вглубь XVIII-XIX вв.

Традиционные ценности: история и современность

В результате преобразований Петра I социокультурная матрица

русского общества утратила свою целостность: произошел раскол между православно-народной и дворянско-интеллигентской культурами. В XIX в. из попыток отразиться и преодолеть этот раскол сложились два течения мысли: западничество и славянофильство.

Западноевропейским ценностям, на которые ориентировались западники, славянофилы противопоставляли традиционные ценности, которые находили в связях московского самодержавия с народными массами, в православии с его стремлением к живой и цельной истине, в патриархальной сельской общине с ее идеалами справедливости, равноправия и сотрудничества [Асмус, 1989]. Выработанный ими идеал (гармония социальной троицы: церкви, государства и общества), предпосылки к зарождению которого можно найти в исторических трудах Н. М. Карамзина, был переосмыслен в охранительном ключе в известной триаде графа С. С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность». Согласно А. В. Давыдову и С. В. Устинкину, «ценности современного консерватизма, по мнению значительного количества экспертов, на две трети заимствованы» из нее [Давыдов, Устинкин, 2010, с. 78]. Но, в отличие от современных консерваторов, славянофилы не были этакими. Самое резкое возражение с их стороны вызывало желание (не важно – со стороны государства или революционеров) сломать, подогнать живую действительность под прокрустово ложе умозрительных идей

и догм. И хотя они идеализировали допетровскую эпоху, было бы ошибкой приписывать им призыв к возврату в прошлое.

Отстаивали славянофилы и неотъемлемые народные права и свободы. Христианскую подоплеку этих (и иных) либеральных ценностей обосновал В. С. Соловьев. Именно его концепция всеединства стала кульминацией поиска объединяющих начал. Выделяя три исторических мира, три культуры – мусульманский Восток, Западную цивилизацию и Славянский мир он доказывал, что национальный идеал России далек и от восточного деспотизма, подавляющего личность, и от западного эгоцентризма [Соловьев, 1989].

Революция прервала этот поиск, заодно став последствием раскола социокультурной матрицы, отсутствия социальной солидарности. С распадом СССР на повестку дня встал вопрос о векторе модернизации России.

Под флагом либерализма в 1990-е гг. проводились шоковые реформы «модернизации как вестернизации», высокие издержки которых были ассоциированы с либеральными ценностями. В качестве оборонительной реакции возник запрос (поддержанный социальным заказом власти) на консервативно-традиционалистские ценности и установки, которые ассоциировались с «сильной рукой», гордостью за страну, государственным патернализмом, стабильностью, порядком. Хотя исследователи замечают, что под прикры-

тием этих ценностей набирают силу этатизм, авторитаризм, изоляционизм [Работяжев, 2015].

Вслед за своими предшественниками, постсоветские консерваторы выступают за эволюционный путь развития общества, не прерывающий преемственность времен и не подрывающий национально-культурную самобытность страны. Однако разногласия по главному вопросу, ценности какого прошлого (имперского или советского, а вернее, их вымышленного и мифологизированного образа) взять за основу для преобразования настоящего, разделили их на два основных лагеря – правых («белых») державников и левых («красных») патриотов, соответственно. Первые считают советский период истории радикальным взломом российской традиции, вторые – ее органическим проявлением [Работяжев, 2015].

Отсутствие опоры в настоящем вынуждает искать ее в прошлом. Это проявление, так называемой «исторической инверсии» (в терминах М. Бахтина), то есть склонности переносить в прошлое такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п., – то, что может или должно быть осуществлено в будущем [Бахтин, 1975].

Общим для современных российских консерваторов всех цветов и оттенков является запрос на «модернизацию в обход вестернизации» (или «множественности модернитив») [Латова, 2022]. Этот процесс

происходит не только в России. В пользу симбиоза и синтеза традиционных и новых ценностей как катализаторов успеха говорит опыт Японии и четырех «азиатских драконов» (Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, Тайваня).

Нельзя не заметить, что современные российские консерваторы, в отличие от своих предшественников – славянофилов XIX в. и особенно либеральных консерваторов начала XX в. (таких как Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, П. Струве) – резко отрещиваются от либерализма, видя в нем носителя зла и угроз российской цивилизации, а не философское учение и политическое течение, отдельные принципы которого по справедливости приобрели общечеловеческое значение [Tomuyk et al., 2020]. Возможно, как поясняет Э. А. Попов, данное предубеждение вызвано редукцией либерализма к ультралиберализму младореформаторов 1990-х гг. [Попов, 2005]. Неудивительно, что питательная среда современного российского консерватизма – это не столько надежды на будущее (очертания которого даже не пытаются прояснить), сколько страх повторения прошлого – 90-х гг. XX в.

Такая редукция не безобидна: она способствует демонизации либерализма (который исходит из несовершенства природы государства, в то время как консерватизм – из несовершенства природы человека [Широкова, 2022]) и оправдывает отказ от его достижений, таких как признание абсолютной ценно-

сти каждой личности, нерушимости человеческого достоинства, автономии и равенства людей как моральных агентов и иных неотъемлемых и неотчуждаемых прав и свобод человека. То есть увеличивается риск, что с водой из купели выльют и ребенка.

Подобного рода тенденция к радикализации и даже вульгаризации консерватизма чревата перекосом в сторону внедрения ценностного абсолютизма, ведущего к дальнейшей поляризации общества, обострению разногласий между группами, стремящимися отстоять свою правду, свои ценности.

Последние годы в России ознаменованы активизацией поиска таких основных ценностей, которые могли бы претендовать на роль универсальных, опорных для режима, государствообразующих, объединяющих и консолидирующих разные слои населения. Шаги в этом направлении предприняты в Конституции и в ряде стратегических документов и национальных проектов, напрямую связывающих политику в области традиционных ценностей с задачами укрепления и защиты суверенитета и политической, культурной, информационной, экзистенциальной безопасности России.

Итоговым результатом этого поиска является список традиционных ценностей, законодательно закрепленных в указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохране-

нию и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее *Основы*): «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента ... , 2022].

Но процесс еще далек от завершения. Нет ясности в каких отношениях (тождества, включения, пересечения или исключения) находятся отдельные понятия. Некоторые понятия (например, «высокие нравственные идеалы», «созидательный труд») являются слишком абстрактными, что затрудняет их однозначную интерпретацию [Илларионов, 2023]. «Реликтами коммунистической идеологии» Е. И. Галяшина и К. М. Богатырев посчитали такие ценности, как коллективизм и приоритет духовного над материальным [Галяшина, 2022, с. 148]. С. Г. Галаганова обнаруживает вероятность возникновения серьезных противоречий между такими аксиологическими категориями как, например, жизнь и патриотизм, коллективизм и личные права и свободы [Галаганова, 2023].

Г. А. Борщевский находит, что по своему содержанию *Основы*

ближе к Моральному кодексу строителя коммунизма, зато, вопреки декларации, довольно слабо согласуются с основными постулатами мировых религий. Наличие же институциональных разрывов в правовом обеспечении традиционных ценностей представляется ему симптоматичным.

Данный поиск шел вне диалога правительства, экспертного сообщества и широкой общественности. Как замечает Борщевский, «традиционными являются не столько сами ценности, сколько способ доведения их до общества – сверху вниз» [Борщевский, 2023, с. 84].

Не выработан четкий инструментарий диагностики и оценки уровня сформированности данных ценностей, что усложняет проведение действенной политики в этой сфере.

Присоединяемся к мнению Борщевского, что, хотя отсутствие однозначной трактовки данных ценностей и спекулятивно-декларативный характер их состава дают простор для социально-политического и культурного мифотворчества, но, в то же время, это может считаться преимуществом [Борщевский, 2023]: появляется свобода маневра, позволяющая не замыкать социальных акторов в предписанные узкие рамки.

Как можно заметить, тема традиционных ценностей не утрачивает свою насущность со времен петровских реформ, хотя причины интереса к ней и ожидания в разные эпохи разнились.

Обратимся к рассмотрению основных особенностей традиционных ценностей, на которые возлагают надежды их современные проводники и сторонники, а также попытаемся выявить их ограничения.

**Функции,
достоинства и ограничения
традиционных ценностей**

Как указывает С. А. Караганов, понятие «традиционные ценности» несет бремя быть символом западной политики и апеллировать к большинству людей, в том числе и к тем, кто живет на Западе [Karaganov, 2016]. Данные ценности – реакция, экранирующая влияние и экспансию глобализации и неоллиберализма [Игнатова, 2016].

Притом разделяемые ценности действуют как маркеры принадлежности к той или иной общности, отсекающие своих от чужих.

Данная функция оказывается амбивалентной в кризисные времена, когда усиливается запрос, мотивированный бессознательными импульсами масс, на максимально оперативные, понятные и шаблонные решения «злых» проблем современности. Фактическая реальность замещается упрощенной мифологической. Как результат – черно-белая картина мира с безапелляционным делением на своих/чужих как обозначения сторон Добра/Зла. Без оттенков, оговорок, компромиссов. Господствуют упрощенные схемы интерпретации событий, провозглашаются популистские лозунги и призывы [Санников, 2019; Силантьева, 2016].

Подобного рода чрезмерное, биологически обусловленное деление людей имеет как положительные, так и отрицательные следствия. Оно способствует сплочению общности, оправдывает жертвенность, мученичество во имя благосостояния этой общности, формирует самоидентичность и является необходимым условием лояльности, оказывает психотерапевтический эффект, стимулирует патриотизм.

Но в тоже время служит инструментом насилия, разъединяющей силой, превносящих одних в ущерб другим, ведет к социокультурной самоизоляции (работает установка: «Если моя культура лучше, то зачем взаимодействовать с другими культурами, познавать их?») и консервации (работает установка: «Если наша общность лучшая, то зачем совершенствоваться?»)

Недаром, многие исследователи призывают к осторожному, рефлексированному отношению к традиционным ценностям.

Традиционные ценности инициированы на волне борьбы с негативными и деструктивными процессами в аксиосфере, прежде всего, с ценностными суррогатами и с соблазном расширить границы нормы [Кошечко, 2017]. Однако ожидания от них постоянно расширяются: в них готовы видеть некую панацею, излечивающую чуть ли не все болезненные явления современности, что являются не столь уж безобидным.

Так, например, демографическую проблему пытаются решить с помощью пропаганды, апеллирующей к традиционным ценностям. Их использование в идеологических целях государства облегчается тем, что они совмещают описание и предписание, факт и норму (оценку), сущее и должное, *model of* (образ, отражение прошлого) и *model for* (образец, проект будущего). Но и в качестве идеологемы (модус должного, как «должно быть») традиционные ценности обязаны сообразовываться с реальностью (модус сущего, как «есть»). Только соблюдение принципа достижимости делает их эффективными и конструктивными. Аксиосфера и социальная реальность не являются данностью, а конституируют друг друга, но в той мере, в какой они взаимосвязаны и взаимоотзывчивы.

В кризисе социальных институтов (в том числе семьи и брака) виновато не столько отсутствие или наличие тех или иных ценностей, сколько новый уклад жизни (при котором дети являются обузой, пассивом, а не ресурсом, экономическим активом, как в аграрном обществе).

Все настоящие традиционные ценности произрастают из реальной, материальной жизни. Пытаться навязать устаревшие, отжившие культурные паттерны в качестве образца поведения бессмысленно [Марченко, 2022], жизнь рано или поздно все равно возьмет свое. Традиция и присущие ей ценности настолько влиты в жизнь народа

(недаром Галаганова уподобляет их воздуху [Галаганова, 2023]), что опасения насчет их утраты, разрушения оказываются безосновательными (справедливыми лишь относительно их внешних проявлений – правил, канонов, обычаев, привычек, которые зачастую выдаются за традиции), а значит, нет необходимости их специально восстанавливать, укреплять, защищать. *Жизнеспособное не нуждается в чрезмерной защите, нежизнеспособное не стоит защиты.* Тем более что сами традиционные ценности – это то, что прошло испытание временем на прочность, уместность и надежность; то, что придает обществу духовный иммунитет, делает его жизнестойким.

Сама необходимость искусственного насаждения каких-либо ценностей (в том числе под предлогом их защиты) выдает их недостаточную традиционность (естественность) для данного общества, так как *ценности в той мере традиционны, в какой они конгруэнтны общественному сознанию и в какой они составляют «нормальность» данного общества.* Это, кстати, усложняет их выявление и изучение: они настолько неотъемлемы, что не замечаются, пока не нарушаются (как не замечается воздух, пока им легко дышится).

Массированная, даже агрессивная пропаганда тех или иных ценностей зачастую обличает их чуждость реальному социальному умунастроению, которое они призваны «перформативать». Проблема таких

навязанных, наносных ценностей в том, что между ними и реальностью нередко остается зазор [Labush et al., 2023]. Зачастую манифестация приверженности тем или иным ценностям ограничивается голословной лояльностью, а не требует реального действия. Отсюда – двоемыслие, рассогласованность мыслей, слов и дел. Как показал опыт смены политических режимов, многие ценности существуют декларативно: далеко не все их сторонники готовы встать на их защиту при отсутствии предпочтений.

Понимая это, иные идеологи призывают не ограничиваться пропагандой, а изменить саму социальную реальность, откатив современную цивилизацию к «истокам», к традиционному (аграрному) обществу, при котором максимизация рождаемости (но не обязательно выживаемости) становится (особенно для женщин) если не рациональным, то безальтернативным вариантом. Как обосновывает Галаганова, подобного рода архаизация, то есть реанимация устаревших и отживших практик (в том числе под видом традиционных ценностей), опасна примитивизацией самой жизни, мифологизацией мировоззрения, инфантилизацией и подавлением личности и ее локализацией в замкнутые социально-культурные общности [Галаганова, 2023].

Сам принцип – работа не только и не с только с аксиосферой, но и с реальностью – верен, и именно доведение его до крайности (до отката к архаике) демонстрирует,

насколько важна осторожность в этом плане.

Заключение

Подводя итог нашему размышлению, стоит сказать, что большинство споров вокруг понятия, функций, достоинств и недостатков традиционных ценностей обусловлены принятием объективистского взгляда на их онтологию. Взгляда, воспринимающего традиционные ценности как нечто ригидное, неизменное, стабильное, ригористично (раз и навсегда) регулирующее образ мыслей, слов и действий. Взгляда, толкающего на поиск неких универсальных, «вечных» и подлинно истинных ценностей.

В практическом воплощении такой взгляд защищает от ценностного хаоса, но может привести к намерению переделать жизнь или самого человека согласно отвлеченным соображениям о благе. Ведь иногда под предлогом возрождения традиционных ценностей протаскивается сокращение степеней свободы человека (защита от чрезмерного раскрепощения может стать предлогом для закрепощения), ограничение его субъектности. Поощряется отношение к нему, вопреки категорическому императиву И. Канта, не как к цели, а как к средству.

Обозначенная выше позиция объясняет наше принятие более гибкого конструктивистского взгляда на природу традиционных ценностей; позволяет не отклоняться в сторону либо абсолютизма

(универсализма), либо безудержно-го релятивизма.

Одним из подтверждений релевантности конструктивистского подхода к современным реалиям является тот факт, что отдельные либеральные ценности (прежде всего, неотчуждаемые и незыблемые права и свободы гражданина), вошедшие в «плоть и кровь» современного российского жизнеустройства, были законодательно закреплены не только

в качестве конституционных, но и традиционных ценностей.

Укорененность в настоящем (как моста между прошлым и будущим) позволяет считать ценности традиционными. Без этой укорененности ценности прошлого (к которым зачастую сводят традиционные ценности) остаются пережитком, рудиментом, архаикой, а ценности (идеалы) будущего оказываются не более чем благими пожеланиями, прекраснодушными мечтаниями.

Библиографический список

1. Асмус В. Ф. Владимир Сергеевич Соловьев // Сочинения: В 2 т. Т. 1. Философская публицистика. Москва : Правда, 1989. С. 3-12.
2. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Художественная литература, 1975. С. 234-407.
3. Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 67-93. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93>.
4. Брандт Г. А. Традиционные ценности в социокультурном развитии России: тупик или опора? // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии : материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. С. 33-38.
5. Галаганова С. Г. Традиция и архаика в аксиологическом измерении // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 8 (182). С. 25-33.
6. Галяшина Е. И. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде / Е. И. Галяшина и К. М. Богатырев // Русский закон. 2022. Т. 75, № 10. С. 138-151. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151>.
7. Давыдов А. В. Консервативная идеология в политической системе современной России / А. В. Давыдов, С. В. Устинкин // Власть. 2010. N. 11. С. 78-80.
8. Дежнев В. Н. Традиционные ценности: к определению понятия / В. Н. Дежнев, О. В. Новикова // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 4 (28). С. 71-74.
9. Игнатова Н. Ю. Традиционные ценности как часть доминантного дискурса глобализации // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии : материалы XIX Международной научно-практической конференции: к 25-летию Гуманитарного университета. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. С. 70-74.

10. Илларионов Г. А. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта / Г. А. Илларионов, Ю. В. Грицков, О. Ф. Морозова, Д. В. Рахинский // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10. С. 71-74.
11. Ковалев А. А. Духовно-нравственное воздействие как угроза национальному менталитету // Социально-политические исследования. 2023. № 4 (21). С. 19-32. DOI: http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_19.
12. Кошечко А. Н. Аксиологический подход в реализации образовательных технологий деятельностного типа: теория и практика // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 3 (27). С. 162-168.
13. Латова Н. В. Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность // Terra Economicus. 2022. № 20 (4). С. 99-114. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114>.
14. Марченко Е. Е. Кому нужны традиционные ценности? Проблема интеграции традиционных культур в современное общество / Е. Е. Марченко, В. Г. Орешкин, О. В. Плебанек // Дискурс. 2022. Т. 8, № 2. С. 78-87. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87>.
15. Мишучков А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 65-71.
16. Николаев В. К. Традиционные ценности и мировоззрение / В. К. Николаев, К. А. Николаев // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2023. № 1 (38). С. 41-49.
17. Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 2005. 192 с.
18. Работяжев Н. В. Консерватизм и модернизация: единство или борьба противоположностей? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 1 (76). С. 153-175.
19. Рассадина Т. А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. Москва : Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2005. 50 с.
20. Санников Г. Г. Легитимация политической власти: мифы российской политики // Политика и Общество. 2019. № 6. С. 55-66. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2019.6.26221>.
21. Седова Л. И. Традиционные ценности в структуре этнокультурной идентичности современной молодежи // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 2. С. 87-102.
22. Силантьева М. В. Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2016. Т. 11, № 2. С. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-72-80>.
23. Соловьев В. С. Три силы // Сочинения: В 2 т. Т. 1. Философская публицистика. Москва : Правда, 1989. С. 19-31.
24. Тюков Н. А. Концептуальное восприятие ценностей российской молодежи: возрастная, половая и территориальная дифференциация / Н. А. Тюков, В. Л. Шаповалов, Е. Р. Никулин // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10, № 1. С. 82-95. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X2024-10-1-0-7>.

25. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Дата обращения: 31.03.2024).

26. Худякова Н. Л. Традиционные ценности как основа воспитания в современном быстроменяющемся обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 91-101. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-474-4-91-101>.

27. Чечет Б. Ф. Традиционные ценности, глобальное будущее и природа человека // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. 2016. Т. 1, № 1. С. 455-462.

28. Широкова М. А. Развитие представлений о человеке и государстве в философии политического образования // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 46-55. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-4-46-55>.

29. Якушев П. А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных ценностей // Вестник владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 205-209.

30. Fullick M. The times, they are (always) a-changin' // University affairs. 2014. URL: <https://universityaffairs.ca/opinion/speculative-diction/times-always-changin/> (дата обращения: 31.03.2024).

31. Hobsbawm E. The invention of tradition. New York: Cambridge university press, 1983. 323 p.

32. Karaganov S. New ideological struggle? Vestnik RUDN. International relations. 2016. Vol. 16, no. 3. Pp. 405-411.

33. Labush N. Propaganda e guerra de informação como fenômenos sócio-filosóficos e ferramentas políticas = Propaganda and information warfare as socio-philosophical phenomena and political tools / N. Labush, S. Nikonov, A. Puiy, E. Georgieva, A. Baichik // Synesis. 2023. Vol. 15, no. 3. Pp. 255–268. URL: <https://seer.ucp.br/seer/index.php/synesis/article/view/2599> (дата обращения: 31.03.2024).

34. Loftus S. Insecurity & the rise of nationalism in Putin's Russia: Keeper of traditional values. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 174 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-97822-2>.

35. Tomyuk O. Human rights: Universality and cultural diversity of the world / O. Tomyuk, A. Shutaleva, M. Dyachkova, S. Glushkova, A. Dudchik // Proceedings of the international session on factors of regional extensive development (FRED 2019). Atlantis press, 2020. Pp. 428-432. DOI: <https://doi.org/10.2991/fred-19.2020.87>.

Reference list

1. Asmus V. F. Vladimir Sergeevich Solov'ev = Vladimir Sergeevich Soloviev // Sochinenija: V 2 t. T. 1. Filosofskaja publicistika. Moskva : Pravda, 1989. S. 3-12.

2. Bahtin M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерки по istoricheskoy poetike = Time forms and chronotope in the novel. Essays on historical poetics // Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. S. 234-407.

3. Borshhevskij G. A. Tradicionnye rossijskie cennosti: institucional'nyj analiz = Traditional Russian values: institutional analysis // Politija: Analiz. Hronika. Prognoz

(Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki). 2023. № 4 (111). S. 67-93. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93>.

4. Brandt G. A. Tradicionnye cennosti v sociokul'turnom razvitii Rossii: tupik ili opora? = Traditional values in the socio-cultural development of Russia: dead end or support? // Ustojchivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski, strategii : materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: k 25-letiju Gumanitarnogo universiteta. Ekaterinburg : Gumanitarnyj universitet, 2016. S. 33-38.

5. Galaganova S. G. Tradicija i arhaika v aksiologicheskom izmerenii = Tradition and archaic in axiological dimension // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2023. № 8 (182). S. 25-33.

6. Galjashina E. I. Ponjatje «tradicionnye rossijskie duhovno-nravstvennye cennosti» v kontekste obespečenija mediabezopasnosti v internet-srede = The concept of "traditional Russian spiritual and moral values" in the context of ensuring media security in the Internet environment / E. I. Galjashina i K. M. Bogatyrev // Russkij zakon. 2022. T. 75, № 10. S. 138-151. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151>.

7. Davydov A. V. Konservativnaja ideologija v politicheskoy sisteme sovremennoj Rossii = Conservative ideology in the political system of modern Russia / A. V. Davydov, S. V. Ustinkin // Vlast'. 2010. N. 11. S. 78-80.

8. Dezhnev V. N. Tradicionnye cennosti: k opredeleniju ponjatija = Traditional values: towards definition / V. N. Dezhnev, O. V. Novikova // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta. 2015. № 4 (28). S. 71-74.

9. Ignatova N. Ju. Tradicionnye cennosti kak chast' dominantnogo diskursa globalizacii = Traditional values as part of the dominant discourse of globalization // Ustojchivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski, strategii : materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: k 25-letiju Gumanitarnogo universiteta. Ekaterinburg : Gumanitarnyj universitet, 2016. S. 70-74.

10. Illarionov G. A. Tradicionnye cennosti: sootnoshenie nauchnogo ponjatija i politicheskogo proekta = Traditional values: relationship between a scientific concept and a political project / G. A. Illarionov, Ju. V. Grickov, O. F. Morozova, D. V. Rahinskij // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2023. № 10. S. 71-74.

11. Kovalev A. A. Duhovno-nravstvennoe vozdejstvie kak ugroza nacional'nomu mentalitetu = Spiritual and moral impact as threat to national mentality // Social'no-politicheskie issledovanija. 2023. № 4 (21). S. 19-32. DOI: http://dx.doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_19.

12. Koshechko A. N. Aksiologičeskij podhod v realizacii obrazovatel'nyh tehnologij dejatel'nostnogo tipa: teorija i praktika = Axiological approach in implementing educational technologies of activity type: theory and practice // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2017. № 3 (27). S. 162-168.

13. Latova N. V. Sociokul'turnye cennosti rossijskih gorozhan: modernizacija vs tradicionnost' = Sociocultural values of Russian citizens: modernization vs tradition // Terra Economicus. 2022. № 20 (4). S. 99-114. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114>.

14. Marchenko E. E. Komu nuzhny tradicionnye cennosti? Problema integracii tradicionnyh kul'tur v sovremennoe obshhestvo = Who needs traditional values? The problem of integrating traditional cultures into modern society / E. E. Marchenko, V. G. Oreshkin, O. V. Plebanek // Diskurs. 2022. T. 8, № 2. S. 78-87. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87>.

Традиционные российские ценности:

понятия, назначение, достоинства и ограничения

15. Mishuchkov A. A. Tradicionnye cennosti v globalizirujushhemsja mire = Traditional values in a globalizing world // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3 (178). S. 65-71.

16. Nikolaev V. K. Tradicionnye cennosti i mirovozzrenie = Traditional values and worldview / V. K. Nikolaev, K. A. Nikolaev // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshhestvo. 2023. № 1 (38). S. 41-49.

17. Popov Je. A. Russkij konservatizm: ideologija i social'no-politicheskaja praktika = Russian conservatism: ideology and socio-political practice. Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2005. 192 s.

18. Rabotjazhev N. V. Konservatizm i modernizacija: edinstvo ili bor'ba protivopozhnostej? = Conservatism and modernization: unity or the struggle of opposites? // Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sociologii politiki). 2015. № 1 (76). S. 153-175.

19. Rassadina T. A. Transformacii tradicionnyh russkih cennostej v npravstvennyh orientacijah rossijan = Transformation of traditional Russian values in the moral orientations of Russians. Moskva : Izd-vo Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 50 s.

20. Sannikov G. G. Legitimacija politicheskoi vlasti: mify rossijskoj politiki = Legitimization of political power: myths of Russian politics // Politika i Obshhestvo. 2019. № 6. S. 55-66. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2019.6.26221>.

21. Sedova L. I. Tradicionnye cennosti v strukture jetnokul'turnoj identichnosti sovremennoj molodezhi = Traditional values in the structure of the ethnocultural identity of modern youth // Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Serija: Nauki o cheloveke i obshhestve. 2021. № 2. S. 87-102.

22. Silant'eva M. V. Nacional'no-kul'turnyj mif v uslovijah sovremennogo transcensusa: filosofskij analiz = National-cultural myth in the context of modern transcensus: philosophical analysis // Gumanitarnyj vektor. Ser. Filosofija. Kul'turologija. 2016. T. 11, № 2. S. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-72-80>

23. Solov'ev V. S. Tri sily = Three forces // Sochinenija: V 2 t. T. 1. Filosofskaja publicistika. Moskva : Pravda, 1989. S. 19-31.

24. Tjukov N. A. Konceptual'noe vosprijatie cennostej rossijskoj molodezh'ju: vozrastnaja, polovaja i territorial'naja differenciacija = Conceptual perception of values by Russian youth: age, gender and territorial differentiation / N. A. Tjukov, V. L. Shapovalov, E. R. Nikulin // Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija. 2024. T. 10, № 1. S. 82-95. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X2024-10-1-0-7>.

25. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniu i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-npravstvennyh cennostej» = Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Data obrashhenija: 31.03.2024).

26. Hudjakova N. L. Tradicionnye cennosti kak osnova vospitanija v sovremennom bystromenjajushhemsja obshhestve = Traditional values as the basis of education in today's fast-changing society // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 4 (474). S. 91-101. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-474-4-91-101>.

27. Chechet B. F. Tradicionnye cennosti, global'noe budushhee i priroda cheloveka = Traditional values, global future and human nature // Sbornik nauchnyh trudov Angarskogo gosudarstvennogo tehniceskogo universiteta. 2016. T. 1, № 1. S. 455-462.

28. Shirokova M. A. Razvitie predstavlenij o cheloveke i gosudarstve v filosofii politicheskogo obrazovanija = Development of ideas about man and state in the philosophy of political education // Sibirskij filosofskij zhurnal. 2022. T. 20, № 4. S. 46-55. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-4-46-55>.

29. Jakushev P. A. Ponjatje, sushhnost', priznaki i regulirujushhie svojstva tradicionnyh cennostej = Concept, essence, characteristics and regulating properties of traditional values // Vestnik vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2017. № 2 (43). S. 205-209.

30. Fullick M. The times, they are (always) a-changin' // University affairs. 2014. URL: <https://universityaffairs.ca/opinion/speculative-diction/times-always-changin/> (Data obrashhenija: 31.03.2024).

31. Hobsbawm E. The invention of tradition. New York: Cambridge university press, 1983. 323 p.

32. Karaganov S. New ideological struggle? Vestnik RUDN. International relations. 2016. Vol. 16, no. 3. Pp. 405-411.

33. Labush N. Propaganda e guerra de informação como fenômenos sócio-filosóficos e ferramentas políticas = Propaganda and information warfare as socio-philosophical phenomena and political tools / N. Labush, S. Nikonov, A. Puiy, E. Georgieva, A. Baichik // Synesis. 2023. Vol. 15, no. 3. Pp. 255-268. URL: <https://seer.ucp.br/seer/index.php/synesis/article/view/2599> (data obrashhenija: 31.03.2024).

34. Loftus S. Insecurity & the rise of nationalism in Putin's Russia: Keeper of traditional values. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 174 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-97822-2>.

35. Tomyuk O. Human rights: Universality and cultural diversity of the world / O. Tomyuk, A. Shutaleva, M. Dyachkova, S. Glushkova, A. Dudchik // Proceedings of the international session on factors of regional extensive development (FRED 2019). Atlantis press, 2020. Pp. 428-432. DOI: <https://doi.org/10.2991/fred-19.2020.87>.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted on 22.03.2024; approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication on 17.05.2024